

цом было скандинавский бог?

Дышал я всё ещё прерывисто, но встал и решился походить по своему новому жилищу. Восьмилетний всклокоченный Магнус улыбался мне с каминной полки во весь щербатый рот. Эх, Магнус, бестолковый ты ещё пока. Что имеешь – не ценишь.

Я изучил книжные полки – сплошь фэнтези и хоррор, которые я взахлёб читал, когда был помладше: Стивен Кинг, Даррен Шэн, Нил Шустерман, Майкл Грант, Джо Хилл. И мои любимые комиксы: «Скотт Пилигрим», «Песочный человек», «Хранители», «Сага». Плюс ещё куча книжек, которые я собирался почитать в библиотеке. (Кстати, ценная информация для бездомных: библиотеки – надёжные прибежища. Там есть туалеты. И оттуда никто не станет выгонять ребёнка, если от него не несёт за милю и если он ведёт себя прилично.)

Я выудил с полки детскую книжку – скандинавские мифы, которые мама читала мне в детстве. Внутри оказались незамысловатые картинки с улыбочиво-довольными скандинавскими богами, радугами, цветами и блондинистыми красотками. И текст из серии «Боги жили в чудесном красивом мире!». Ни слова ни про Сурта по прозвищу Чёрный, который плавит детские коляски и швыряется раскалённым асфальтом, ни про волков, которые нападают на чьих-то мам и взрывают квартиры. Вот тут-то я и психанул.

На кофейном столике лежала книга в кожаном переплёте,

на которой было написано «К УСЛУГАМ ГОСТЕЙ». Я пролистал её. Одно только меню занимало десять страниц. Список ТВ-каналов казался нескончаемым, а карта отеля очень уж затейливо ветвилась на разные ходы и помещения. Короче говоря, смысла в этой книжке было ровно ноль. Тут отсутствовало главное – аварийный выход с пометкой «В ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ».

И я швырнул книжку в горящий камин.

Едва она сгорела, как на столике появилась новая. Вот же дурацкий волшебный отель! Даже испортить ничего не дадут!

Я совсем рассвирепел и толкнул диван. Не ожидал, что толчок получится таким мощным: диван кубарем прокатился через гостиную и врезался в дальнюю стену.

Я обозревал следы разрушений: разбросанные как попало подушки, перевёрнутый диван, разбитую штукатурку и отпечаток от кожаной обивки, проехавшейся по стене. И как я исхитрился такое натворить?!

Диван не встал сам собой на место. Он лежал там, куда я его отбросил. Ярость схлынула. Ну вот, теперь, выходит, я просто прибавил работы какому-нибудь бедолаге служащему вроде Хундинга. Молодец, Магнус.

Я походил туда-сюда, размышляя о тёмном огненном чувстве на мосту. Зачем ему понадобился меч? Хорошо бы Сурт погиб вместе со мной – и желательно погиб по-настоящему, без моих бонусов. И главное, чтобы Блитц с Хэртом уцелели

(ну, так и быть: пускай и Рэндольф заодно с ними).

А сам меч... Кстати, а где он? Снова покоится на дне реки? Вальгалла воскресила меня с плиткой шоколада в кармане, но без меча в руке. Что-то тут не стыкуется.

По мифам, в Вальгаллу попадали павшие в бою герои – это я помнил. Но из меня-то какой герой? Мне наподдали под зад и выжгли кишки куском асфальта. Да, я проткнул Сурта мечом и утянул его за собой – иными словами, погиб продуктивно. Это и называется пасть смертью храбрых? Что-то я сомневаюсь.

И тут меня осенило.

Мысль огрела меня как кувалдой по голове.

Мама... Если кто и пал смертью храбрых, так это она. Она же спасала меня от...

Раздался стук в дверь.

Дверь распахнулась, и в мой номер вошла девушка... та самая, что кружила надо мной во время битвы, а потом несла меня через серую пустоту.

Она где-то оставила свой шлем, кольчугу и сияющее копье. Зелёный платок больше не покрывал голову: девушка обмотала им шею, и длинные каштановые пряди свободно струились у неё по плечам. Воротник и манжеты белого платья украшал вышитый узор из рун. С золотистого пояса свисала связка древних ключей и однолезвийный топор. Она бы сошла за подружку невесты на свадьбе из видеоигры «Мортал комбат».

Гостье бросился в глаза перевёрнутый диван:

– Мебель оскорбила твой взор?

– Ты настоящая, – заметил я.

Девушка похлопала себя по рукам:

– Вроде да.

– Моя мать, – сказал я.

– Нет, – ответила она. – Я не твоя мать.

– Я хотел спросить: она тут, в Вальгалле?

Девушка сочувственно поджала губы. Глядя куда-то за моё плечо, она заговорила, тщательно подбирая слова:

– Я сожалею. Натали Чейз нет среди избранных.

– Но она была храбрая. И она пожертвовала собой ради меня.

– Я верю. – Девушка пристально изучала кольцо, на котором висели ключи. – Но будь она здесь, я бы знала. Нам, валькириям, разрешено забирать не всех, кто гибнет как герой. Есть... много разных нюансов. И много разных загробных миров.

– Тогда где она? Я тоже хочу туда! Я никакой не герой!

При этих словах девушка метнулась ко мне и толкнула меня к стене – так же играючи, как я через всю гостиную швырнул диван. Она надавила предплечьем мне на горло.

– Не говори так, – прошипела девушка. – НЕ-ГО-ВО-РИ-ТАК! Особенно на сегодняшнем пиру.

От её дыхания веяло мятой. Глаза у неё были яркие и тёмные одновременно. У мамы была такая окаменелость, назы-

валась аммонит: поперечный разрез ископаемого моллюска, вроде наутилуса, с закрученной раковиной. Так вот, этот аммонит светился изнутри, точно вобрал в себя память миллионов лет, пока лежал под землёй. И у девушки глаза сияли таким же светом.

– Ты не понимаешь, – прохрипел я. – Я должен...

Она ещё сильнее надавила мне на трахею:

– Чего, по-твоему, я не понимаю? Каково это – потерять мать? Или когда тебя судят не по справедливости? Или когда ты в малоприятном месте и с малоприятными типами?

Я не знал, что ей на всё это ответить, тем более что и дышал-то с трудом.

Она отступила. Я стал хватать воздух ртом и кашлять, а валькирия принялась с отсутствующим видом мерить шагами прихожую. Топор и связка ключей покачивались у неё на поясе.

Я потёр пострадавшую шею.

«Дурак ты, Магнус, – мысленно обругал я себя. – Это новое место: изучи правила».

Нельзя начинать с нытья и требований. Надо было придержать вопрос о маме. Если она и впрямь тут, рано или поздно я это выясню. А пока что отель «Вальгалла» – неизведанная территория. Как незнакомая ночлежка для молодёжи, или новый палаточный лагерь для бездомных, или очередная церковная крипта, где наливают дармовой суп. У каждого места свои правила. Сперва надо понять, кто тут

главный, кто за кем стоит в иерархии и за что я могу огрести. Нужно выживать... даже если ты уже умер.

– Извини, – сказал я. В горле у меня першило, как если бы я проглотил зубастого и когтистого грызуна. – Но какая тебе разница – герой я или нет?

Она хлопнула себя по лбу:

– О-о, а ты сам-то не врубаешься? Кто тебя сюда притащил? Я. О чьей карьере речь? О моей. Ещё один прокол – и... – Тут она спохватилась. – Ладно, проехали. Когда тебя представят, делай, что я скажу. Рот держи на замке, кивай и старайся выглядеть по-геройски. Не заставляй меня жалеть, что я приволокла тебя сюда.

– Хорошо. Но, на минуточку: я не просил меня сюда приволакивать.

– Одинов глаз! Ты же у-ми-рал! Другие варианты – это Хельхейм, или Гиннунгагап, или... – Её передёрнуло. – Короче, имей в виду: есть загробные местечки куда хуже Вальгаллы. Я видела, что ты делал на мосту. Сознаёшь ты это или нет, ты действовал как герой. Ты пожертвовал собой во имя спасения многих людей. – Она меня вроде как хвалила, но таким тоном, будто обзывала последним идиотом. Она прошагала ко мне и упёрла мне палец в грудь: – У тебя есть потенциал, Магнус Чейз. И не вздумай доказывать, что я не права – или...

Внезапно динамики на стене разразились оглушительным трубным гласом. Даже снимок на каминной полке подпрыг-

нул.

– Это что? – осведомился я. – Воздушная тревога?

– Это зовут на ужин. На пир. – Девушка расправила плечи, глубоко вдохнула и протянула мне руку. – Давай попробуем сначала. Привет, я Самира аль Аббас.

Я моргнул:

– Ты не обижайся, но имя у тебя не то чтобы викингское.

Девушка натянуто улыбнулась:

– Можешь звать меня Сэм. Меня все так зовут. Я буду твоей валькирией на сегодняшнем пиру. Рада познакомиться по-настоящему. – Сэм сжала мне руку так, что кости пальцев хрустнули. – А сейчас я сопровожу тебя в зал. – Она выдавила улыбку. – И смотри, чтобы мне из-за тебя краснеть не пришлось. А то я тебя первая убью.

Глава 12. Ладно хоть к козе не приставили

В КОРИДОРЕ УЖЕ НАЧАЛИ СОБИРАТЬСЯ мои соседи. Томас Джефферсон-младший оказался долговязым парнем примерно моих лет, с короткими курчавыми волосами. Он был в синем шерстяном мундире с медными пуговицами и нашивками на рукаве, а за плечом у него висела винтовка. Форма Гражданской войны, догадался я²⁵.

Увидев меня, Томас Джефферсон-младший приветливо кивнул:

– Как поживаешь?

– Ну... собственно, никак, – ответил я. – Я же типа умер. Он рассмеялся:

– Ага. Потом привыкнешь. Зови меня Ти Джей.

---

²⁵ Гражданская война в США (1861–1865) велась между северными и южными штатами, которые долго не могли договориться по поводу рабства. По нынешним временам звучит диковато, но вплоть до середины XIX века в Америку ввозили из Африки чернокожих рабов. Так уж сложилось, что на Севере США больше развивались промышленность и банковское дело – с точки зрения экономической выгоды, рабство северянам было ни к чему. А вот плодородный Юг с его хлопковыми и сахарными плантациями, напротив, в рабах очень даже нуждался. Поэтому, когда в 1860 году Президентом США был избран Авраам Линкольн, убеждённый сторонник отмены рабства, южные штаты подняли мятеж. Вы наверняка знаете, что победили в этой войне северяне, а после её окончания рабство было отменено.

– А я Магнус.

– Идём. – Сэм уже тащила меня вперёд.

Мы прошли мимо девушки, которая, вероятно, была моей соседкой, Мэллори Кин. Мэллори являлась обладательницей копны выующихся рыжих волос, зелёных глаз и зазубренного кинжала, которым она потрясала перед лицом парня, стоящего возле двери со знаком Х. Росту в парне было шесть футов семь дюймов²⁶, не меньше.

– Опять эта свиная башка? – вопрошала Мэллори с еле заметным ирландским акцентом. – Икс, думаешь мне охота смотреть на отрубленную голову всякий раз, как я выхожу за порог?

– Я больше съесть не мог, – рокотал в ответ Икс. – Свиная башка ко мне в холодильник не влезает.

Вот честно, я с таким детиной поостерёгся бы спорить. Этот Икс смахивал на взрывозащитный контейнер. С помощью Икса вы запросто обезвредите гранату – если попросите парня её проглотить. Его кожа цвета акульего брюха была усеяна бородавками, по всему телу вздымались волны мускулов, а лицо испещряли шрамы – настолько многочисленные, что я бы затруднился показать, где у него нос.

Мы прошли мимо: Мэллори и Икс, поглощённые спором, нас даже не заметили.

Когда мы удалились на порядочное расстояние, я спросил Сэм:

---

²⁶ То есть два метра.

– А что за бугай такой серокожий?

Сэм прижала палец к губам:

– Икс – полутролль. И он немножко переживает из-за этого.

– Полутролль? То есть такие бывают?

– Естественно. И у него такое же право жить тут, как у тебя.

– Да я разве против? Я просто спросил.

Видимо, тут кроется какая-то история. Иначе бы она так не огрызалась.

Мы как раз проходили мимо двери с табличкой «ХАФ-БОРН ГУНДЕРСОН», и тут в дубовую доску изнутри врубился топор. В номере послышался приглушённый смех.

Сэм настойчиво вела меня к лифту. Она отпихнула ещё нескольких эйнхериев, пытавшихся войти в ту же кабину:

– На другом езжайте, ребята.

Решётка из копий замкнулась. Сэм вставила один из своих ключей в заюзанную скважину на панели, надавила на красную руну, и лифт поехал вниз.

– Я тебя в трапезный зал приведу немного пораньше, до того как откроются главные двери. Чтобы ты немного освоился с обстановкой.

– Ну... да. Спасибо.

С потолка лилась нордическая лёгкая музыка.

«Поздравляю, Магнус! – подумал я. – Добро пожаловать в воинский рай, где ты всегда сможешь услышать Фрэнка Си-

натуру²⁷ на норвежском языке!»

Надо бы поддержать разговор, но как-нибудь так, чтобы Сэм не расплющила мне трахею.

– Значит... На девятнадцатом этаже все как будто моего возраста, – заметил я. – Или... нашего возраста. В Вальгаллу только тинейджеров берут?

Сэм покачала головой:

– Эйнхериев разделяют на группы по возрасту на момент гибели. Ты в молодёжной группе, там народ до девятнадцати лет. С двумя другими группами – со взрослыми и пожилыми – вы почти не пересекаетесь. Так оно лучше. Взрослые... ну, они не принимают подростков всерьёз, даже если подростки живут тут на сотни лет дольше.

– Как везде, – кивнул я.

– А с пожилыми воинами трудноато поладить. Представь себе дом престарелых, где живут реально лютые стариканы.

– Ага, бывают такие ночлежки.

– Ночлежки?

– Проехали. А ты, значит, валькирия. Ты сюда всех пона-выбирала.

– Точно, – ответила Сэм. – Я одна – прямо всех поголовно.

– Ха-ха. Ну, ты поняла, о чём я. Не всех, конечно, и не ты одна. У вас тут... как это... сестринство или что-то такое.

– Вот именно. Валькирии ответственны за выбор эйнхери-

---

²⁷ *Фрэнк Синатра* (1915–1998) – один из самых известных американских певцов, обладатель знаменитого «бархатного» голоса.

ев. Каждый здесь, в Вальгалле, когда-то пал геройской смертью. Путь в Вальгаллу открыт лишь тем, кто исполнен воинской чести или же ведёт происхождение от скандинавских богов.

Мне вспомнились слова дяди Рэндольфа о том, что меч – это моё наследие.

– Происхождение от богов... Это когда бог доводится отцом, например?

Я опасался, что Сэм поднимет меня на смех, но она лишь мрачно кивнула:

– Многие эйнхерии – полубоги. Но многие – обычные смертные. Для Вальгаллы избирают не за происхождение, а за мужество и честь. По крайней мере, так это должно быть...

Я не понял – она сказала это мечтательно или обиженно.

– А ты? – спросил я. – Как ты стала валькирией? Ты тоже пала благородной смертью?

Сэм рассмеялась:

– Нет пока. Я ещё среди живых.

– И как это у тебя получается?

– Ну, это типа двойная жизнь. Сегодня вечером я сопровождаю тебя на пир. Потом сломя голову мчусь домой доделывать домашку по матанализу.

– Что, серьёзно?

– С матанализом не до шуток!

Дверь лифта открылась. Перед нами простирался зал раз-

мером со стадион.

У меня отвисла челюсть:

– Офигеть...

– Добро пожаловать в Трапезную Павших Героев! – провозгласила Сэм.

Сверху вниз изогнутыми ярусами, как на стадионе, спустились длинные столы. В самом центре зала вместо баскетбольной площадки росло дерево – выше Статуи Свободы. До нижних веток было, наверное, футов сто. А крона раскинулась над всем залом, вращаясь в своды, пробиваясь через обширное отверстие в потолке. Над кроной сверкали звёзды.

Первый мой вопрос, наверное, был не самый глубокомысленный из возможных:

– А почему на дереве коза?

В действительности козой дело не ограничивалось. Между ветвей шастало всякое-разное зверьё, причём я и определить-то мог далеко не всех. Но по нижним веткам, раскачивая их туда-сюда, бродил вполне узнаваемый зверь – жирная косматая коза. Из её раздутого вымени, как из прохудившегося душа, капало молоко.

Под козой четверо дюжих воинов таскали на плечах здоровенный золотой чан. Чан крепился на шестах, и ребята металась в разные стороны, силясь очутиться прямо под козой и поймать в ведро капли молока. Судя по тому, какие они были мокрые, промахивались они частенько.

– Козу зовут Хейдрун. Из её молока варят мёд Вальгаллы.

Вкуснятина. Сам попробуешь.

– А что за парни за ней бегают?

– Да, работёнка у них так себе. Не безобразничай, а то и тебя по козе дежурить отправят.

– Э-э-э... А никак нельзя... ну, скажем, спустить козу вниз?

– Она свободная коза на свободном выпасе. К тому же такой мёд вкуснее.

– Ну да, ясное дело, – покивал я. – А другие животные? Я вижу, там белки, и опоссумы, и...

– ...и сумчатые летяги, и ленивцы, – подхватила Сэм. – Они ничего, миленькие.

– Ага. Но вы же тут едите. Это же негигиенично, наверное. У зверья какашки и всё такое...

– Животные на Дереве Лерад очень хорошо воспитаны.

– Дерево Ле-е-рад? У дерева что, есть имя?

– У всех важных вещей есть имена. – Сэм нахмурилась. – Напомни: как тебя зовут?

– Очень смешно.

– Некоторые из животных бессмертны, и у них свои особые задачи. Где-то ходит олень по имени Эйктюрнир, сейчас его не видно. Мы его для краткости зовём Эйк. Видишь вон тот водопад?

Ещё бы я его не видел! По трещинам в коре откуда-то свысока сбегали ручьи. Они сливались в мощный поток, и водопад ревущей стеной низвергался с ветки в озеро, раскинув-

шеся между двумя корнями. По площади этот водоём мог бы потягаться с олимпийским плавательным бассейном.

– У оленя из рогов непрерывно течёт вода, – пояснила Сэм. – Она стекает по ветвям прямо в озеро, а из него уходит под землю. Воды этого озера питают все реки земли.

– В смысле... Вся вода течёт из оленьих рогов? Меня, помнится, чему-то другому учили на естествознании.

– Нет, конечно, не вся вода течёт из Эйковых рогов. Есть ещё тающие снега, дожди, всякие загрязнители. Плюс ещё капелька фторидов и слюны ётунов.

– Ётунов?

– Ну, великанов.

Валькирия вроде не шутила, хотя по ней точно не скажешь. Вроде улыбалась, но как-то натянуто. Глаза беспокойно бегали, губы она поджала – то ли чтобы не прыснуть со смеху, то ли в ожидании нападения. Она бы отлично вписалась в какое-нибудь стендап-шоу. Только лучше бы без топора. И черты её лица почему-то казались знакомыми: линия носа, изгиб подбородка, еле различимые рыжие и золотистые прядки в каштановых волосах.

– А мы с тобой раньше не встречались? – спросил я. – Ну, до того... как ты избрала мою душу для Вальгаллы.

– Очень сомневаюсь, – ответила она.

– Но ты же смертная? Из Бостона?

– Из Дорчестера²⁸. Я учусь в Королевской академии, на

---

²⁸ Район Бостона, прежде бывший отдельным городом.

втором курсе. Живу с бабушкой и дедушкой и по большей части занята изобретением уловов, чтобы никто не узнал о моей валькирийской жизни. Сегодня, например, Джид и Биби думают, что я помогаю группе школьников с математикой. Есть ещё вопросы? – Её взгляд при этом отчётливо сигнализировал прямо противоположное: о личном больше ни слова.

Почему, интересно, она живёт с бабушкой и дедушкой? Сэм знает, каково это – потерять мать, так она сказала.

– Вопросов больше нет, – объявил я. – У меня и так голова вот-вот взорвётся.

– Вот грязь будет, – хмыкнула Сэм. – Давай-ка лучше найдём тебе место, пока...

По периметру зала распахнулись сотни дверей. Войнство Вальгаллы начало вваливаться в трапезную.

– Ужин подан, – сказала Сэм.

Глава 13. Злополучный конец Филадельфии

НАС СМЕЛО ЦУНАМИ из оголодавших воинов. Людские потоки лились со всех сторон: эйнхерии с толкотнёй, шутками и хохотом рассаживались по местам.

– Держись, – приказала Сэм. Она обхватила моё запястье и взмыла вверх в питер-пэновском стиле.

– Предупреждать надо! – взвыл я.

– Я же сказала: держись.

Мы скользили над головами воинов. На нас никто не обращал особого внимания, если не считать того парня, которого я нечаянно пнул в лицо. Мимо сновали другие валькирии: кто-то сопровождал воинов, кто-то разносил подносы с едой и кувшины с напитками.

Мы направились к столу, который тут явно значился как почётный: если бы это был баскетбольный матч с участием «Бостон Селтикс», то на этом месте восседали бы хозяева поля. В этой роли здесь выступала дюжина угрюмых чуваков – перед ними стояли золотые тарелки и сверкающие драгоценными камнями кубки. На самом почётном месте возвышался деревянный трон с высокой спинкой. На спинке два ворона чистили перья.

Сэм приземлила нас за столом слева от почётного.

Остальные двенадцать наших сотрапезников ещё только устраивались – две девушки и четверо парней в обычной уличной одежде плюс шесть валькирий, одетых примерно как Сэм.

– Это тоже новенькие? – осведомился я.

Сэм кивнула и озабоченно свела брови:

– Семеро за одну ночь – что-то многовато.

– А это хорошо или плохо?

– Чем хуже обстоят дела, тем больше гибнет героев. А это значит... – Она поджала губы. – Неважно. Давай уже сядем.

Но сесть мы не успели: у нас на пути возникла высокая валькирия:

– Самира аль Аббас, кого это ты нынче притащила? Ещё одного полутролля? Или шпиона от твоего папочки?

Девице на вид я бы дал лет восемнадцать. Рост у неё был – на зависть любому нападающему в баскетбольной команде. По плечам раскинулись белоснежные косицы. Что меня ошарашило, так это её оружие: согласитесь, перевязь с плотницкими молотками – это довольно странно. Возможно, в Вальгалле большой спрос на забивание гвоздей. На шее у валькирии висел золотой амулет в форме молота. Глаза у неё были голубые и холодные, как зимнее небо.

– Гунилла, – напряжённо заговорила Сэм, – познакомься: это Магнус Чейз.

Я протянул руку:

– Горилла? Приятно познакомиться.

Девушка сердито раздула ноздри:

– Я Гунилла. Капитан валькирий. А ты, новенький...

Трубный глас, который я уже слышал перед пиром, эхом раскатился по трапезной. Но теперь я видел, откуда идёт звук. У подножия дерева двое парней держали чёрно-белый рог какого-то животного. Рог был размером этак с каноэ. А третий парень в него дул.

Тысячи воинов расселись по местам. Капитан валькирий бросила на меня испепеляющий взгляд, развернулась и топала к главному столу.

– Ты с ней поаккуратнее, – предупредила Сэм. – Гунилла могущественна.

– Та ещё жлобиха.

Уголок рта у Сэм чуть дрогнул:

– Не без этого.

Но, вообще, Сэм казалась задетой. Вцепилась в топориче – аж костяшки пальцев побелели. Меня так и подмывало спросить насчёт «шпиона от папочки», которого помянула Гунилла, но шея всё ещё ныла. Поэтому я счёл за благо не бесить валькирию и помолчать.

Я уселся в самом конце стола рядом с Сэм – так хоть не придётся заводить беседы с другими новичками. Тем временем по залу порхали сотни валькирий, разнося еду и питьё. Как только кувшин в руках у валькирии пустел, она устремлялась к кипящему над огнём золотому чану, зачерпывала мёда из козьего молока и летела дальше обслуживать эйн-

хериев. В другом конце трапезной готовилось главное блюдо. На стофутовом вертеле вращалась туша какого-то зверя. Точно не скажу, кто это был, но размерами он не уступал синему киту.

Мимо промелькнула валькирия, и передо мной нарисовались блюдо с едой и кубок. На блюде дымились куски мяса – какого именно, точно сказать я не мог, но пахло божественно. Сбоку ещё лежали картошка с подливкой и куски хлеба с маслом.

– Какого зверя я ем?

Сэм вытерла рот тыльной стороной ладони:

– Его зовут Сэхримнир.

– Ну, вы даёте! И еда с именем? Я не желаю знать, как зовут мой ужин. Вот картошка – её типа зовут Стив?

Сэм закатила глаза:

– Да нет же, дурачок. Картошку зовут Фил. А вот хлеб зовут Стив.

Я ошалело уставился на неё.

– Шучу, – тут же успокоила меня Сэм. – Сэхримнир – это волшебный зверь Вальгаллы. Его каждый день убивают и съедают за ужином. Зато каждое утро он воскресает – и снова как новенький.

– Да уж, не повезло зверюге. Но кто это? Корова, свинья или...

– Это то, чего ты сам хочешь. У меня вот говядина. А другие части туши – это курица или свинина. Я свинину не ем,

но есть любители.

– А если я вегетарианец? Если я фалафеля хочу?

Сэм помертвела:

– Это ты пошутил?

– Почему сразу «пошутил»? Я люблю фалафель.

Её плечи облегчённо обмякли:

– Ладно, если тебе нужен фалафель, тогда закажи кусок из левого бока. Там сыр тофу и соевый творог. Его приправят по твоему вкусу.

– То есть у вас тут волшебный зверь с грудинкой из тофу?

– Это Вальгалла, рай для воинов на службе у Одина. Что бы ты ни выбрал – у еды будет совершенный вкус.

Мой живот урчал уже совсем нетерпеливо, поэтому я принялся за еду. В соусе очень правильно сочетались сладкое и солёное. Хлеб был как тёплое пушистое облако, сдобренное маслом. И даже Фил-картошка оказался на высоте.

Я не большой любитель молока коз-на-свободном-выпаса, и мне поначалу не очень хотелось пробовать мёд. Но напиток в моем кубке больше напоминал сидр с пузырьками, и я решил, что рискну.

Я отпил глоток. Питьё оказалось сладким, но не чересчур. Прохладным и успокаивающим. И с нотками, которые я не сумел толком распознать: то ли чёрная смородина, то ли мёд, то ли ваниль. В общем, я осушил кубок одним глотком.

И внезапно у меня внутри словно вспыхнуло пламя. Нет, это было не как от алкоголя. (Да, алкоголь я пробовал – и

меня стошнило. А потом попробовал ещё раз, и меня опять стошнило.) От этого напитка не кружилась голова, не подступали дурнота и сонливость. Скорее он действовал как ледяной эспрессо, но без горького привкуса. Мёд пробудил меня, согрел, придал уверенности – и всё это без бешеного сердцебиения и вспышек раздражительности.

– Годная штука, – признал я.

Валькирия спикировала ко мне, наполнила кубок и умчалась.

Я покосился на Сэм. Та стряхивала с платка хлебные крошки.

– А ты тоже прислуживаешь на пиру?

– Естественно. У нас дежурства. Это большая честь – служить эйнхериям.

И она ведь даже не прикалывалась.

– А много тут валькирий?

– Сколько-то тысяч, наверное.

– А эйнхериев?

Сэм надула щёки:

– Получается, десятки тысяч. Это ведь только первая смена, молодёжная. Потом ещё две, взрослая и возрастная. В Вальгалле пятьсот сорок дверей. Из каждой на битву выйдет восемьсот воинов. Итого четыреста тридцать две тысячи эйнхериев.

– Где столько тофу-то взять?

Сэм пожала плечами:

– Мне лично кажется, что цифра сильно завышена. Но точная статистика известна лишь Одину. В любом случае, когда грянет Рагнарёк, нам понадобится большое войско.

– Рагнарёк, – эхом откликнулся я.

– Гибель Богов, – объяснила Сэм. – Когда все Девять миров сгинут в великом пожаре, а воинства богов и великанов сойдутся в последней битве.

– А, в этом смысле. – Я обвёл взглядом ораву воинов-тинейджеров. И вспомнил свой первый день в средней школе Аллстона – за несколько месяцев до того, как не стало мамы и моя жизнь пошла наперекосяк. Нас было тысячи две. В коридорах от кабинета до кабинета царил абсолютный хаос. Школьная столовка напоминала аквариум с пираньями. Но до Вальгаллы средней школе всё-таки далеко. Я указал на почётные места: – А кто вон те красавчики? Они не староваты для первой смены?

– Я бы не стала называть их «красавчиками», – заметила Сэм. – Это таны, владыки Вальгаллы. Каждый из них персонально приглашён за этот стол самим Одним.

– Значит, пустой трон...

– ...это трон Одина, да. Но он... он давненько не навывался на пиры. Вместо него вороны – они всё подмечают и ему докладывают.

Эти вороны с глазами-бусинами, честно говоря, меня напугали. По-моему, они всё время косились именно на меня.

Сэм указывала на сидящих справа от трона:

– Это Эрик Кровавая Секира. А это Эрик Рыжий²⁹.

– Похоже, тут перебор Эриков.

– А вон там Лейф Эрикссон.

– Ого! А где его бронзовый лифчик?

– Будем считать, я не слышала. Потом сидит Снорри³⁰.

Дальше – наша очаровашка Гунилла. Потом лорд Нельсон³¹

---

²⁹ *Оба Эрика* – весьма заметные персоны в мире викингов. *Эрик Кровавая Секира* (около 885–954) – любимый сын одного из самых прославленных норвежских конунгов, Харальда Прекрасноволосого, объединителя Норвегии. Эрик, как и его отец, побывал в должности конунга, а потом сделался и королём Нортумбрии (одного из королевств на территории современной Великобритании). Однако Эрик Кровавая Секира недаром получил своё прозвище – слишком он был крут нравом и воинствен. В итоге Эрик погряз в междоусобной вражде и погиб во время смуты в Нортумбрии. *Эрик Рыжий* (950—1003) тоже был вояка хоть куда, но прославился скорее как мореплаватель – в самом конце X века он основал первую колонию в Гренландии.

³⁰ Без Снорри Стурлусона в нашей истории просто никак. Именно Снорри поведал нам и об Эрике Кровавая Секира, и о скандинавских богах, и о валькириях, и о многом из жизни викингов. Это исландский скальд (то есть поэт) и прозаик, а также политик, живший в XIII веке. Снорри написал «Младшую Эдду» – важнейший источник по скандинавской мифологии и одновременно поэтический учебник, а также толстенную книгу «Круг земной» – историю Норвегии с древнейших времён до 1177 года.

³¹ *Адмирал Горацио Нельсон* (1758–1805) – знаменитый английский флотоводец. Англичане страшно им гордятся, поскольку Нельсон в пух и прах разбил флот Наполеона в Трафальгарском сражении (1805), которое считается одним из самых важных в истории европейских парусных флотов. Правда, сам адмирал в битве при Трафальгаре был смертельно ранен. Зато, как мы видим, его избрали для Вальгаллы, а благодарные соотечественники воздвигли ему памятник в самом центре Лондона – на Трафальгарской площади.

и Дэви Крокетт³².

– Дэви Кро... Да ладно!

– А на краю стола – Хельги, управляющий. Ты с ним, наверное, уже знаком.

Хельги, похоже, отлично проводил время, над чем-то посмеиваясь с Дэви Крокеттом и потягивая мёд. За его стулом стоял швейцар Хундинг с гроздью винограда в руках. Он отщипывал от грозди по одной виноградине и протягивал Хельги. Вид у швейцара при этом был несчастнейший.

– Слушай, а что там у управляющего с Хундингом?

Сэм скривилась:

– Кровная вражда ещё при жизни. Потом они погибли, и оба попали в Вальгаллу, но Один решил, что Хельги достоин большего почёта. И возвёл Хельги в ранг управляющего. А тот первым же приказом записал Хундинга, своего кровного врага, в лакеи. Теперь Хундингу поручают всю грязную работу.

– Выходит, для Хундинга здесь не такой уж рай.

Поколебавшись немного, Сэм прошептала:

– На самом деле в Вальгалле нет равенства. Тут своя

---

³² Про *Дэви Крокетта* (1786–1836) американцы знают в основном из фольклора: про него есть песни, книги и фильмы, а при жизни его прозвали «Королём Дикого Фронттира» (фронтир – это граница освоенных территорий на Диком Западе: ведь изначально Соединённые Штаты занимали лишь узкую полосу земли вдоль Атлантического побережья и постепенно расширялись на запад и на юг). Вероятно, авантюрист Дэви Крокетт, в понимании Магнуса, смотрится немного странно в компании таких пафосных фигур, как Нельсон, Снорри и двое Эриков.

иерархия. И тому, кто окажется внизу, считай, сильно не повезло. Помни, когда начнётся церемония...

Таны на почётных местах разом застучали кубками о стол. И все эйнхерии последовали их примеру. Как будто в Трапезной Павших Героев забилося металлическое сердце.

Хельги встал и поднял свой кубок. Шум мгновенно стих.

– Воины! – загремел управляющий на весь зал. Сейчас он смотрелся чрезвычайно царственно. Я с трудом узнавал в нём того типа, который несколько часов назад всучил мне люкс по акции и ключ от мини-бара. – Нынче к нам присоединились семеро павших! Это само по себе повод для праздника, однако мы приготовили для вас нечто особенное. Благодаря капитану валькирий Гунилле сегодня мы впервые сможем не только послушать о славных деяниях наших новых эйнхериев, но и посмотреть, как всё было!

Сэм сдавленно икнула.

– Нет, – пробормотала она. – Нет, только не это.

– Итак, представление павших начинается! – провозгласил Хельги.

Десять тысяч воинов, как по команде, развернулись и выжидательно уставились в мою сторону.

Глава 14. Здесь четыре миллиона каналов. А работает одно Валькир-ТВ

УРА! Я ПОСЛЕДНИЙ. Представление началось с противоположного конца стола. И я сначала обрадовался. А потом, когда увидел, как отличились другие эйнхерии, радоваться перестал.

– Ларс Альстрём! – воззвал Хельги.

Поднялся коренастый блондин. Вместе с ним встала его валькирия. Ларс так разволновался, что опрокинул кубок и залил мёдом штаны в самом интересном месте. По трапезной прокатился смешок.

Хельги заулыбался:

– Как многим из вас известно, капитан Гунилла за последние несколько месяцев осуществила поэтапное тестирование нового оборудования. Она разместила камеры на доспехах валькирий, чтобы быть в курсе достижений своих подопечных. И чтобы мы с вами не скучали!

Воины радостно загалдели и загрохотали кубками, заглушая тихие ругательства Сэм.

Хельги поднял кубок:

– Итак, позвольте представить вам Валькир-ТВ!

Вокруг ствола дерева замигал хоровод парящих в возду-

хе гигантских экранов. Изображение сильно дёргалось – вероятно, камера была на плече у валькирии. Съёмка велась с высоты – валькирия кружила над паромом, тонущим в серых морских волнах. Шлюпки вовсю мотались на полуоборванных канатах. Люди прыгали в них, частенько без спасательных жилетов. Валькирия подлетела поближе. У картин-ки появился фокус.

Ларс Альстрём кое-как карабкался по кренящейся палубе с огнетушителем в руках. Дверь в салон завалило большим металлическим контейнером. Ларс попытался сдвинуть его с места, но тот оказался тяжёлым. В салоне оказались закрытыми больше десятка пассажиров – они отчаянно колотили в окна.

Ларс прокричал им что-то на шведском. Или норвежском? Но смысл был понятен: НАЗАД!

Люди в салоне отшатнулись, и Ларс со всей мочи врезал огнетушителем по окну. С третьей попытки стекло раскололось. Несмотря на пронизывающий холод, Ларс стащил с себя куртку и накрыл ею осколки, торчащие в раме.

Он так и стоял у окна, пока не выбрался последний пассажир. Спасённые Ларсом бежали к спасательным шлюпкам. Ларс взял свой огнетушитель и устремился было следом, но тут корабль сильно качнуло. Ларс ударился головой о стену и сполз вниз, бездыханный.

Его тело начало сиять. В кадре возникла рука валькирии. Сияющий золотой призрак отделился от тела Ларса – навер-

ное, его душа. Золотой Ларс взял валькирию за руку, и экран померк.

Воины во всей трапезной ликовали.

Таны за почётным столом совещались. Я сидел достаточно близко и кое-что улавливал. Один из танов – кажется, лорд Нельсон – всё спрашивал, является ли огнетушитель оружием.

Я наклонился к Сэм:

– А разве это важно?

Сэм рвала хлеб на всё более и более крошечные кусочки:

– Чтобы попасть в Вальгаллу, воин должен встретить смерть в битве и с оружием в руках. Только так.

– Выходит, каждого, кто схватил меч и тут же умер, возмнут в Вальгаллу? – прошептал я.

– Нет, конечно, – фыркнула Сэм. – Мы не берём детей, которые хватаются за оружие и гибнут по собственной воле. В самоубийстве нет ничего героического. Самопожертвование, доблестный поступок должен быть спонтанным. Героизм в ответ на опасность. Герой действует по зову сердца, не помышляя о награде.

– А если так... Вдруг таны решат про новичка, что его не надо было брать? Тогда он возвращается к жизни? – Я постарался приглушить надежду в голосе.

Сэм отвела взгляд:

– Если ты эйнхерий, то назад дороги нет. Тебя могут нагрузить самой чёрной работой. Или тебе придётся драться

тут за место под солнцем. Но ты всё равно остаёшься в Вальгалле. Если таны решат, что павший недостоин... тогда его валькирия будет наказана.

– Ой. – Я внезапно понял, почему все валькирии сидят немножечко как на иголках.

Таны между тем устроили голосование. Они пришли к единогласному решению, что огнетушитель можно считать оружием, а Ларса – павшим в битве.

– Есть ли враг грознее морской пучины? – сказал Хельги. – Мы сочли Ларса Альстрёма достойным Вальгаллы.

Гром аплодисментов. Ларс чуть не грохнулся в обморок. Валькирия подхватила его, улыбаясь и приветственно помахивая рукой.

Шум стих, и Хельги продолжил:

– Ларс Альстрём, известны ли тебе твои родители?

– Я... – Голос новичка дрогнул. – Я не знаю, кто мой отец.

– Это обычное дело, – кивнул Хельги. – Мы взыскуем мудрости рун, если сам Всеотец не пожелает дать ответ.

Все обернулись к пустому трону. Вороны взъерошили перья и заклекотали. Однако трон так и остался пустым.

Хельги как будто не удивился, но его плечи разочарованно поникли. Он махнул в сторону очага. От скопища поваров и разносчиков отделилась женщина в зелёном плаще и прошаркала к нам. Её лицо скрывал капюшон, но по согбённой фигуре и скрюченным пальцам ей можно было дать тысячу лет.

– Кто эта злая ведьма? – тихонько спросил я у Сэм.

– Это вёльва. Прорицательница. Может творить всякие заклинания, предсказывать будущее и... ну, и всё такое.

Вёльва приблизилась к столу. Из складок своего плаща она извлекла кожаный мешочек и вытряхнула оттуда рунные плашки – совсем как у Рэндольфа.

– А руны? – опять зашептал я. – Они зачем?

– Руны – это древний алфавит викингов, – ответила Сэм. – Каждая буква символизирует нечто могущественное: бога, разновидность магии, природную стихию. Руны – что-то наподобие генетического кода Вселенной. Вёльва может прочесть по рунам твою судьбу. Величайшим чародеям вроде Одина даже смотреть на руны не нужно. Они способны изменять действительность, лишь называя руну вслух.

Я сделал себе мысленную пометку держаться от этого Одина подальше. Мне оно вообще не надо, чтобы кто-то опять менял мою действительность.

Вёльва, стоя у нашего стола, бубнила что-то себе под нос. Она швырнула руны к своим ногам. Камешки рассыпались по грязному полу – какие-то вверх руной, какие-то вниз. Но одна руна, казалось, привлекла всеобщее внимание. Голографические экраны тут же воспроизвели её на всю трапезную.

Мне этот знак ничего не говорил, но сотни воинов подняли восторженный гам.

– Тор! – орали они. А потом принялись скандировать: – **ТОР! ТОР! ТОР!**

– Мало нам этих Торовых детишек, – проворчала Сэм.

– А что не так с Торовыми детишками?

– Да ничего. Они клёвые. Взять хоть его дочурку Гуниллу.

– А-а.

Капитан валькирий улыбалась. Лучше бы хмурилась, честное слово, а то уж очень устрашающее зрелище.

Наконец скандирование стихло, и вёльва вскинула иссохшие кисти:

– Возрадуйся, Ларс, сын Тора! Руны гласят, ты будешь доблестно драться в Рагнарёк. А завтра грядёт твоя первая битва! Ты явишь всем свою храбрость и лишишься головы!

Трапезная взорвалась приветственными криками и смехом. Ларс внезапно побелел как полотно. Воины захохотали ещё громче, словно отсечение головы – это такое посвящение для новичка. Типа как стул из-под него выдернуть. Вёль-

ва собрала свои руны и удалилась, а Ларсу валькирия помогла сесть на место.

Церемония продолжалась. Следующую новенькую звали Деде. У себя в деревне она спасла целую кучу ребятишек из сельской школы, когда боевики попытались взять их в заложники. Она сделала вид, что заигрывает с одним из солдат, уговорила его дать ей подержать винтовку и сама открыла огонь по боевикам. Деде погибла, зато дети сумели убежать. Видео получилось очень жёстким. Викингам дико понравилось. Деде аплодировали стоя.

Вёльва прочла руны и подтвердила, что родители Деде были простыми смертными, но, похоже, это никого не смутило. Согласно прорицанию вёльвы, Деде предстояло храбро сражаться в Рагнарёк. А на следующей неделе ей светило несколько раз потерять руки в сражениях. И через сто лет она займёт место среди танов.

– О-о-о-о-о-о! – одобрительно взвыли воины.

Остальные четверо новичков смотрелись столь же внушительно. Они все спасали людей. Они все героически жертвовали жизнью. Двое оказались обычными смертными. Третий – сыном Одина, что произвело в трапезной некоторое оживление.

Сэм наклонилась ко мне:

– Как я и сказала, Одина уже какое-то время никто не видел. Поэтому мы рады любому знаку, что он всё ещё пребывает среди смертных.

Последняя девушка оказалась дочерью Хеймдалля. Я был не в курсе, кто это, но викинги явно впечатлились.

У меня голова шла кругом от избытка информации. И к тому же я изрядно накачался мёдом. Поэтому я не сразу сообразил, что теперь моя очередь. Очнулся я, услышав голос управляющего.

– Магнус Чейз! – возопил Хельги. – Вставай же и порazi нас своим мужеством!

Глава 15. Фейковая киношка с моим участием имеет бешеный успех

МОЁ МУЖЕСТВО НИКОГО НЕ ПОРАЗИЛО. Пока шло моё видео, я стоял, понунив плечи. Эйнхерии смотрели на экран в изумлённом молчании. Потом началось перешёптывание и бурчание, время от времени прерываемое взрывами смеха.

Валькир-ТВ запечатлело происходившее не целиком, а отрывками. Вот я стою на мосту перед Суртом, запускающим огненный смерч. Камера даёт крупным планом меня, грозящего Сурту ржавой железякой. Потом появляются Хэрт с Блитцем. Блитц лупит Чёрного своей табличкой «Дорогу утятам!». Вот Хэртова стрела с пищалкой ударяет меня в зад. Вот Сурт меня бьёт. И снова бьёт – по рёбрам. Я сгибаюсь пополам, и меня тошнит.

Видео ускоренно промоталось туда, где я уже стою, привалившись к перилам моста, а Сурт швыряет в меня своё огненно-асфальтовое ядро. Я вскидываю меч и промахиваюсь. Кусок асфальта прилетает мне в живот – здесь тысячи воинов хором выдохнули:

– О-о-о-о-о!

Сурт кидается на меня, и мы вместе валимся с моста, вце-

пившись друг в друга.

Тут видео замедлилось – мы с Суртом не успели долететь до воды, – и камера увеличила картинку. И тогда стало видно, что мой меч торчит из Суртова брюха, но при этом его рукоять не у меня в руках. Вместо оружия я держу Сурта за здоровенную шею.

По трапезной прокатилось неловкое бормотание.

– Нет, – сказал я. – Всё было не так... Видео подправили. Фейковая у вас киношка.

Лицо Сэм превратилось в камень. Гунилла за танским столом ухмыльнулась. Это всё она, догадался я. Её камера, она и смонтировала кадры.

Гунилла хотела унизить Сэм. Она специально выставила меня идиотом перед всеми. Задача, если честно, не из сложных.

Хельги опустил кубок:

– Самира аль Аббас... Изволь объясниться.

Сэм теребила край платка, словно ей хотелось натянуть его на голову, чтобы вся трапезная исчезла из виду. Я вполне мог её понять.

– Магнус Чейз пал смертью храбрых, – произнесла она. – Он вступил в поединок с Суртом.

Опять неловкое бормотание.

Поднялся один из танов:

– Ты утверждаешь, что это был Сурт. Огненный ётун: да, несомненно, но чтобы сам властелин Муспелльхейма...

– Я знаю, что я видела, владыка Эрик Кровавая Секира. Вот он, – Сэм гордо ткнула в меня пальцем, как в призового телёнка, – спас на мосту множество жизней. Вам показали не всю историю. Магнус Чейз действовал как герой. Он достоин быть среди павших.

Встал ещё один тан:

– На самом деле он пал не с оружием в руках.

– Владыка Оттар, – голос Сэм натянуто звенел, – таны уже делали исключения в таких случаях. Это чисто технический вопрос: держал ли Магнус меч в момент смерти или нет. В любом случае он пал смертью храбрых. Таков дух закона Одина.

Оттар насмешливо фыркнул:

– Спасибо тебе, Самира аль Аббас, дочь Локи, что поведала нам, каков дух закона Одина.

Уровень напряжённости в зале уже зашкаливал за 451 градус по Фаренгейту³³. Рука Сэм невольно потянулась к топору. Но, кажется, кроме меня, никто не видел, как дрожат её пальцы.

Локи... В кои-то веки знакомое имя! Я помнил, что в скандинавской мифологии Локи – великаний сын и самый большой прохиндей. И главный враг всех богов. Но если Сэм его дочь, то почему она тут? Как её занесло в валькирии?

---

³³ Очевидно, Магнус читал знаменитый роман-антиутопию Рэя Бредбери «451° по Фаренгейту», где речь идёт о сожжении книг. Американцы, в отличие от европейцев, пользуются шкалой Фаренгейта: 451 градус по Фаренгейту – это чуть больше 232 градусов по Цельсию.

Я случайно встретился взглядом с Гуниллой. Капитан определённо наслаждалась шоу – она едва сдерживала улыбку. Если она дочурка Тора, то это всё объясняет. В мифах Тор и Локи вечно норовили затеять драку.

Таны о чём-то совещались.

Наконец заговорил управляющий:

– Самира, мы не узрели ничего героического в гибели этого юноши. Мы видели гнома и эльфа с игрушечным оружием...

– Гнома и эльфа?! – встрял я, но Хельги не обратил внимания и продолжил:

– ...мы также видели огненного ётуна, который упал с моста и увлёк мальчика за собой. Сыны Муспелля редко показываются в Мидгарде, однако подобное уже случалось.

– Эка невидаль! – пробормотал тан с кустистыми бакенбардами. – Я вам вот что скажу. Супротив того верзилы, огненного ётуна, что подвизался с Санта-Аной при Аламо³⁴...

– Да, спасибо, владыка Крокетт. – Хельги прокашлялся. – Так вот, пока мы не видим подтверждений тому, что Магнус Чейз достоин Вальгаллы.

– Владыки, – Сэм говорила медленно, чётко произнося

---

³⁴ Генерал Антонио Лопес де Санта-Ана (1795–1876) – прославленный мексиканский полководец, которого даже называли «Наполеоном Запада», многократный президент и диктатор Мексики. Битва при Аламо (1836), в которой сражался Дэви Крокетт, – одно из важнейших событий так называемой Техасской революции: Техас, входивший в состав Мексики, при активном участии Дэви Крокетта поднял мятеж и на короткое время стал независимым государством.

слова, как будто обращалась к детсадовцам, – видео недостоверно.

– Ты полагаешь, зрение нас подводит? – рассмеялся Хельги.

– Я полагаю, вам стоит послушать историю из моих уст. Рассказ о деяниях героя – наша давняя традиция.

– Прошу прощения, владыки, – встала Гунилла, – но Самира права. Возможно, мы должны дать слово дочери Локи. В трапезной загалдели и заулюлюкали. Кто-то выкрикнул: – Нет! Нет!

Хельги жестом призвал воинов к молчанию:

– Гунилла, ты исполняла долг, защищая сестру-валькирию. Однако мы знаем, что Локи всегда славился сладкоречием. Я бы предпочёл видеть историю своими глазами, а не внимать хитроумным объяснениям.

Воины зааплодировали.

Гунилла пожала плечами: мол, все видели – я сделала что могла. И уселась на место.

– Магнус Чейз! – возгласил Хельги. – Известны ли тебе твои родители?

Я мысленно сосчитал до пяти. Моим первым порывом было заорать: «Нет, но мой папашка из ваших был тот ещё засранец!»

– Я не знаю, кто мой отец, – признался я. – Но послушайте, насчёт того видео...

– Вероятно, у тебя есть потенциал, неведомый нам, – за-

явил Хельги. – Вероятно, ты сын Одина, или Тора, или иного благородного бога, и твоё присутствие в наших рядах делает нам честь. Мы взыскуем мудрости рун, если сам Всеотец не пожелает дать ответ.

Хельги вытаращился на по-прежнему пустующий трон. Вороны зыркали на меня голодными чёрными глазами.

– Ну что ж, – вздохнул Хельги. – Пусть явится вёльва и...

Меж корней дерева, там, где водопад обрушивался в тёмное озеро, вздулся огромный пузырь. «ЧПОК!» – и на поверхности воды стоят три женщины в белых саванах.

В трапезной воцарилось гробовое молчание. Тишину нарушали только потрескивание огня да звук водопада. Тысячи воинов, остолбенев, наблюдали, как три женщины, скользя по водной глади, направляются ко мне.

– Сэм! – испуганно зашептал я. – Сэм, что происходит?!

Сэм бессильно уронила руку, выпустив топорище.

– Норны, – выдавила она. – Сами норны явились предсказать тебе судьбу.

Глава 16. Норны. Ну почему норны?!

НЕТ, ПРАВДА, ПОЧЕМУ МЕНЯ никто не предупредил о скорой гибели? Почему никто не сказал мне: «Эй, завтра ты рухнешь с моста и станешь павшим викингом, так что иди-ка почитай что-нибудь про Вальгаллу».

Я чувствовал себя весьма и весьма неподготовленным.

То есть в принципе про норн я слышал. Что это такие дамочки, которые держат в руках судьбы смертных. Но я понятия не имел, как их зовут, что им надо и как себя с ними вести, чтобы не осрамиться. Мне положено кланяться? Или подносить дары? Или удирать с воплями куда глаза глядят?

Сэм пробормотала мне в ухо:

– Это плохо. Норны приходят в исключительных случаях.

Я не хотел быть исключительным случаем. Я хотел быть простым случаем из серии «Молодец, Магнус. Ты герой. Вот тебе печенка».

Или вот ещё лучше: «Ой. Прощения просим, обознались. Возвращайся к прежнему размеренному житью».

Не то чтобы моё прежнее размеренное житьё было сплошной восторг, но даже оно лучше дюжины бородатых мужиков по имени Эрик, которые говорят тебе, что ты не достоин их компании.

Норны приблизились, и стало видно, что они невероятно высокие – в каждой по меньшей мере футов девять росту. Лица под капюшонами были красивыми, но пугающими, мертвенно-бледными – даже глаза. За ними, как невестина фата, струился шлейф из тумана. Они застыли в футах двадцати от моего стола и обратили вверх, точно вылепленные из снега ладони.

– Магнус Чейз. – Я не понял, которая из норн заговорила. Мягкий бесплотный голос растёкся по трапезной, превращая мой череп в ледник. – Провозвестник Волка.

Воины в трапезной беспокойно заёрзали на стульях. «Провозвестник» – словечко из фэнтези. Но я-то тут при чём? Короче говоря, мне не понравилось, что меня назвали каким-то «провозвестником». И ещё меньше мне понравилось слово «волк».

Я уже всерьёз склонялся к сценарию «удирать с воплями куда глаза глядят». Но тут в руках у средней норны сгустился туман, и из него образовалось с полдюжины рунных камешков. Норна подбросила их вверх. Руны зависли над её головой – при этом каждая разрослась до размеров рекламного щита и засветилась белым.

Руны я читать не умею, но ту, что в середине, я узнал. Это была та самая, которую я вытянул из кисета в кабинете у дяди Рэндольфа.

– «Феху», – промолвил холодный голос. – Руна Фрейра.
Воины завозились, погромыхивая доспехами.

Фрейр... Что ещё за Фрейр? Мозги у меня сковало льдом,
а мысли еле-еле ворочались.

Тут норны заговорили все вместе, их потусторонние голоса зазвучали хором, сотрясая крону исполинского дерева:

Выбор неверен, смерть неверна.

Вальгалла герою не суждена.

Девять дней держит солнце путь на восток,

Пути зверя разрубит Летний Клинок.

Сияющие руны растаяли. Три норны поклонились мне. А потом слились с туманом и исчезли.

Я обернулся к Сэм:

– И часто у вас такое бывает?

Сэм как будто врезали Гуниллиным молотком промеж глаз:

– Нет. Я не могла ошибиться, выбрав тебя. Мне сказали...

Мне обещали...

– Так тебе кто-то сказал меня подобрать?

Вместо ответа Сэм зашептала что-то себе под нос – как если бы делала лихорадочные расчёты для ракеты, сбившейся с курса.

Владыки за танским столом опять совещались. Тысячи эйнхериев по всей трапезной не сводили с меня пристальных взглядов. Мой желудок успешно освоил оригами и складывался в разные фигурки.

Наконец Хельги обратился ко мне:

– Магнус Чейз, сын Фрейра, судьба твоя тревожит нас. Владыки Вальгаллы должны ещё поразмыслить над нею. А пока что мы приветствуем тебя в своих рядах. Отныне ты эйнхерий. Даже если это было ошибкой, изменить ничего нельзя. – Сурово нахмурившись, управляющий посмотрел на Сэм. – Сама аль Аббас, норны признали твой выбор ошибочным. Есть ли тебе что сказать в своё оправдание?

Сэм вытаращила глаза, как будто её вдруг озарило:

– Сын Фрейра... – Она обвела зал безумным взглядом. – Эйнхерии, разве вы не понимаете?! Это сын Фрейра! Сам Сурт был на том мосту! То есть меч... – Сэм развернулась к столу танов. – Гунилла, ты-то должна понимать, что это значит. Мы должны найти тот меч! Нужно объявить квест! Немедленно!

Хельги стукнул кулаком по столу:

– Довольно! Сама, ты совершила роковую ошибку и бу-

дешь осуждена за это. Не тебе указывать нам, что делать. И уж тем более не тебе объявлять квест!

– Я не совершала ошибки, – возразила Сэм. – Я выполняла приказ! Я...

– Приказ? – Хельги недобро сощурился. – Чей приказ?

Сэм стиснула губы. Видимо, она сдулась.

Хельги мрачно кивнул:

– Я понял. Капитан Гунилла, желаешь ли ты сказать своё слово перед тем, как я объявлю приговор этой валькирии?

Гунилла колебалась. Блеск в её глазах померк. Она походила на человека, который уселся на карусельную лошадку, но внезапно обнаружил, что мчится на американских горках, откуда нет выхода.

– Я... – Гунилла качнула головой. – Нет, владыка. Мне... мне нечего добавить.

– Ну что же, – сказал Хельги. – Сама аль Аббас, за совершённую тобой в отношении эйнхерия Магнуса Чейза ошибку таны исключают тебя из сестринства валькирий. Отныне ты лишаешься всех своих способностей и привилегий. Возвращайся в Мидгард с позором!

Сэм схватила меня за руку:

– Магнус, слушай меня. Ты должен найти меч. Ты должен им помешать...

Словно щёлкнул фотоаппарат: вспышка – и Сэм пропала. Лишь недоеденное мясо да крошки вокруг стула говорили о том, что она была тут.

– Итак, пир окончен! – подытожил Хельги. – Увидимся завтра на поле брани! Спите спокойно, и пусть вам снятся сны о славной смерти!

Глава 17. Я бицепсы не заказывал!

СПАЛ Я БЕСПОКОЙНО. И никакие сны о славной смерти мне не снились. Был там-то, делал то-то, очутился в загробном мире.

Пока я ужинал, мой диван починили и поставили на место. Я уселся на него и пролистал большим пальцем свою детскую книжку скандинавских мифов. Про Фрейра там обнаружилось немного. На крошечной картинке был изображён блондин в тунике, резвящийся в лесу, а рядом с ним – блондинка, у ног которой играла пара котиков.

«Фрейр был богом весны и лета! – гласила подпись под картинкой. – Он был богом богатства, изобилия и плодородия! Его сестра-близнец Фрейя, богиня любви, была прехорошенькой! И у неё были котики!»

Я отшвырнул книжку в сторону. Зашибись. Мой папаша – какой-то игривый купидончик, резвящийся в лесах! Небось вылетел с треском ещё из первого фильма про Тора³⁵.

Нанесло ли мне это психологическую травму? Да не то чтобы. Можете мне не верить, но меня никогда всерьёз не волновало, кто мой отец. Я никогда всерьёз на эту тему не загонялся: «Вот узнаю, кто мой отец, – и моя жизнь обретёт

---

³⁵ Магнус имеет в виду тетралогия о Торе компании Marvel, которая, как вы наверняка знаете, не только выпускает комиксы, но и снимает по ним фильмы. Первый фильм о Торе вышел в 2011 году.

смысл». Я и так знал, кто я. Я сын Натали Чейз. А что до смысла жизни... Я таких странностей навидался, что по поводу смысла жизни у меня иллюзий нет.

И всё же у меня осталась куча вопросов из серии «зачем, почему и как?». Первым в списке шёл вопрос: как у беспризорника вроде меня может быть отцом бог изобилия и богатства? Злая получается шутка.

И ещё: что от меня понадобилось этому громиле Сурту? Если он правда властелин Муспелльхейма, верховный король адова пекла, то почему бы ему не забрать с собой кого-нибудь поинтереснее – скажем, детишек Тора? Про Тора хоть кино снимают. А у этого Фрейра даже котиков своих нет. У сестрицы одалживает.

А меч лета... Допустим, это тот клинок, который я выловил со дна реки Чарльз. Тогда как он там оказался? И почему этот меч так важен? Дядя Рэндольф потратил годы на его поиски. И последние слова Сэм тоже были о мече – что нужно его найти. Если меч принадлежал моему отцу, а мой отец – бессмертный бог, то с какой стати его меч провалился тысячу лет на дне реки?!

Я уставился на пустой камин. Стишок норн всё крутился у меня в голове, как ни старался я его оттуда выкинуть.

«Провозвестник волка». В книжках провозвестником называют того, кто оповещает о наступлении какой-то могучей силы. Или видит багровое небо перед приближением урагана. Мне не хотелось быть провозвестником волка. Мне этих

волков хватило при жизни за глаза и за уши. Пусть я лучше буду провозвестником мороженого или фалафеля.

Выбор неверен, смерть неверна.

Теперь-то уж поздно: после драки кулаками не машут. Я на веки вечные долбаный эйнхерий. На двери моё имя. И у меня ключ от мини-бара.

Вальгалла герою не суждена.

А вот это мне нравится. Может, это означает, что я могу свалить отсюда? Хотя скорее это означает, что таны могут развоплотить меня одним пшиком или скормить чудо-козе.

*Девять дней держит солнце путь на восток,
Путы зверя разрубит Летний Клинок.*

Вот эти строчки меня тревожили больше всего. По моим последним сведениям, солнце держит путь не на восток, а на запад. И что за зверь? Спорю на что угодно – это опять драный волк. Но если мечу суждено освободить волка, тогда пускай этот меч никто не найдёт.

В памяти всплыло что-то смутное насчёт связанного волка. Я уставился на детскую книжку с мифами. Может, заглянуть туда ещё разок? Нет, не надо: и так я весь на нервах.

«Магнус, слушай меня, – сказала мне Сэм. – Ты должен

найти меч. Ты должен им помешать...»

К Самире аль Аббас у меня вообще-то имелся ряд претензий. Я всё ещё дулся на неё за то, что притащила меня сюда – тем более, выходит, притащила-то по ошибке. Но я вовсе не хотел, чтобы её вышвырнули из валькриий только за чьё-то самодельное видео, где я выгляжу, как последний кретин. (Ну ладно, просто чуть больший кретин, чем всегда.)

«Надо поспать», – решил я. Усталости я не ощущал, но если и дальше буду ломать голову над всем этим, у меня мозг взорвётся.

Я попробовал устроиться на кровати. Очень уж мягко. В итоге я развалился на траве в атриуме, глядя сквозь ветви на звёзды.

В какой-то момент я, должно быть, всё-таки уснул.

Меня разбудил резкий звук: хрустнула ветка. Потом кто-то ругнулся.

Небо в вышине серело в преддверии рассвета. На меня упало, кружась, несколько листьев. Ветки покачивались, будто по ним пролез кто-то тяжёлый.

Я лежал не шевелясь и прислушивался. Ничего. Или мне послышался этот голос?

Я заметил подсунутую под дверь записку.

Я осторожно сел.

А вдруг это мне принесли счёт? И меня выписывают из отеля? Я нерешительно приблизился к двери.

Дрожащей рукой я развернул записку. Это оказался не

счёт. На бумажке было выведено красивым наклонным подчерком:

Привет, сосед!

Приходи в гостиницу в 19 завтракать с нами. По коридору налево. Возьми с собой оружие и доспехи.

Т. Дж.

Т. Дж. – это Ти Джей, Томас Джефферсон Младший, парень из номера напротив.

С чего бы ему приглашать меня на завтрак после вчерашнего? И при чём тут доспехи с оружием? Видимо, викингские тосты с маслом дадут мне отпор.

Мне до зарезу хотелось спрятаться у себя в номере и забаррикадировать дверь. Может, хоть тогда все от меня отстанут. И пока воины увлечённо предаются йоге не на жизнь, а на смерть, я потихоньку сбегу и поищу выход в Бостон.

Это с одной стороны. А с другой – мне нужны ответы. У меня не шло из головы, что где-то тут, где собрались все геройски павшие, должна быть и моя мама. Или кто-нибудь здесь знает, в какой загробный мир она ушла. Этот Ти Джей вроде бы вполне дружелюбно настроен. Можно пока потусить с ним, а там посмотрим, что он скажет.

И я поплёлся в туалет.

Я опасался, что туалет окажется какой-нибудь викингской камерой пыток, истыканной топорами и луками, стреляющими после смыва воды в унитазе. Но оказалось, туалет как туалет. Не страшнее общественных уборных в парке Бостон

Коммон.

Шкафчик в ванной был заполнен моими обычными умывальными принадлежностями... в смысле такими, которыми я пользовался, когда ещё жил дома.

А душ... Я попытался вспомнить, когда я в последний раз спокойно стоял под горячим душем. Ну да, в Вальгаллу я прибыл вымытым и высушенным с помощью магии, но после тревожной ночи под деревом я был не прочь отскрестись дочиста старым добрым способом.

Я стащил с себя все свои футболки и фуфайки и чуть не заорал благим матом.

Что случилось с моей грудью?! Откуда у меня такие руки?! И что это за вздутия у меня на теле?!

Обычно я на себя в зеркало старался не смотреть. Потому что моё отражение – это не то, чем я готов любоваться изо дня в день. Но сегодня от зеркала было не отвертеться.

Волосы остались прежними – правда, чуть менее засаленными и спутанными. Но они хотя бы так же свисали до подбородка светлой невытой завесой, разделённой пробором посередине.

«Вылитый Курт Кобейн», – поддразнивала меня мама. Не вопрос, мне нравился Курт Кобейн. Мне только не нравилось, что он умер³⁶.

---

³⁶ *Курт Кобейн* (1967–1994) – лидер легендарной американской группы «Нирвана», один из самых выдающихся в мире гитаристов. Ну, и да: он умер – довольно рано и трагично. Долгая история.

«Прикинь, мам, – мог бы сказать я, – теперь-то я точно вылитый Курт Кобейн. Во всём».

Глаза у меня серые – скорее, не как у мамы, а как у Аннабет. И взгляд немного потусторонний. Какая-то у меня в глазах зияет страшенькая пустота. Оно, кстати, и к лучшему. На улице этот странный взгляд не раз меня выручал.

А вот всё остальное тело я узнавал с трудом. Я всю жизнь был заморышем – с тех самых пор, как заболел астмой ещё в раннем детстве. И все наши с мамой пешие походы не помогали: грудь впалая, ребра торчат, а кожа такая бледная и прозрачная, что вся дорожная карта из синих вен, как на ладони.

А сейчас... на моём теле вздулись какие-то бугры, которые подозрительно смахивали на мускулы.

Нет, вы не думайте: не то чтобы я в одночасье превратился в Капитана Америку³⁷. Я по-прежнему был худой и бледный, но мои руки обрели какую-то... оформленность. И грудь больше не выглядела так, словно любой порыв ветра переломает мне рёбра. Кожа сделалась более гладкой, не такой просвечивающей. Все царапины, укусы, сыпи, которые были у меня от бездомной жизни, враз исчезли. Исчез даже шрам на левой ладони – это я порезался охотничьим ножом, когда мне было десять лет.

И я вспомнил, какую силу почувствовал в себе, когда был в Вальгаллу. Как играючи швырнул диван через всю го-

---

³⁷ Весьма мускулистый супергерой из марвеловских комиксов.

стиную. Это наверняка случайностью не было.

Как там Хундинг сказал... апгрейд?

Я сжал кулак.

Даже не знаю, что на меня нашло. Уже целые сутки меня переполняли гнев, страх и неуверенность. И когда я осознал, что даже моё тело уже как бы и не моё, это всё достигло критический отметки. Меня силком выдернули из жизни. Мне угрожали, меня выставляли на посмешище и против моей воли апгрейдили. Я не заказывал номер люкс. Я не заказывал бицепсы.

Так и врезал бы им всем.

Собственно, я и врезал. Кулаком по стене. Кулак прошёл сквозь кафель, гипсокартон и распорку толщиной два на четыре дюйма. Я выдернул руку. Пошевелил пальцами. Хоть бы один сломался.

Я рассматривал проделанную мною дыру в форме кулака над вешалкой для полотенец.

– Ага, – проворчал я. – Я просто создан для комфорта.

Душ помог мне успокоиться. Я завернулся в халат с вышитыми буквами «ОВ» и пошлёпал к шкафу. Надо же ещё одеться во что-то. В шкафу меня ждали трое голубых джинсов, три зелёные футболки (все с надписью «ОТЕЛЬ «ВАЛЬ-ГАЛЛА»»), белье, носки, пара добротных кроссовок и меч в ножнах. К гладильной доске был прислонён круглый зелёный щит с нарисованной посередине золотой руной Фрейра.

Ну ладно. Зато не надо мучиться, выбирая, что надеть.

Минут десять я возился с ножнами, так и этак пристраивая их на поясе. Я, между прочим, левша. Значит, меч надо повесить справа? И вообще: мечи для левшей как-то отличаются от мечей для правой?

Я попытался вытащить меч и едва не рассёк себе штанину. О да, на поле брани я буду суперзвездой.

Я немного помахал мечом. Я ждал, что он начнёт так же гудеть и направлять мою руку, как тот меч на мосту, когда я сражался с Суртом. Но нет. Видимо, этот меч – обычный кусок железа, без звукового сопровождения и функции автопилота. Мне кое-как удалось засунуть его в ножны и не лишиться при этом пальцев. Щит я залихватски забросил за спину по примеру воинов на вчерашнем пиру. Ремень врезался в шею, едва не придушив.

Я снова посмотрел на себя в зеркало.

– Вы, сэр, – пробормотал я себе, – настоящее унылое чмо. Отражение спорить не стало.

И я отправился искать завтрак, дабы пронзить его своим мечом.

Глава 18. Я вступаю в смертельную схватку с яичницей

– А ВОТ И ОН. – Ти Джей поднялся и пожал мне руку. – Присоединяйся к нам. Шикарный выход ты вчера устроил!

Он был одет так же, как и вчера: в синий шерстяной мундир поверх зелёной отельной футболки плюс джинсы и кожаные сапоги.

Рядом с ним сидели полутроль по имени Икс, рыжеголовая Мэллори Кин и парень, в котором я угадал Хафборна Гундерсона. Выглядел он как Робинзон Крузо на анаболиках: рубаха сшита из меховых лоскутов от разных зверей, кожаные штаны изорвались в лохмотья. В неухоженной даже по викингским меркам бороде застряли куски сырного омлета.

Четверо моих соседей по этажу потеснились, давая мне место. Очень любезно с их стороны.

По сравнению с трапезной девятнадцатая гостиная казалась милым укромным уголком. По всей комнате была расставлена дюжина столов – по большей части пустых. В одном углу перед потрёпанным диваном потрескивал камин. Вдоль другой стены тянулся шведский стол, на котором чего только не было. Включая то, что я и вообразить-то не мог.

Ти Джей с компанией расселись перед большим панорам-

ным окном, которое выходило на бескрайнее ледяное поле и кружащиеся снежинки. После моего зелёного атриума это несколько ошарашивало, но я уже начал привыкать, что с географией отеля всё непросто.

– Это Нифльхейм, – пояснил Ти Джей. – Царство льда. В течение дня вид меняется, тут проходят все Девять миров.

– Девять миров... – Я уставился на свою яичницу-болтунью, гадая, из какой галактики её доставили. – Я всё время слышу про Девять миров. Как-то не верится.

Мэллори Кин сдула с пончика сахарную пудру:

– А ты поверь, приятель. Я вот в шести из них побывала.

– А я в пяти, – ухмыльнулся Хафборн Гундерсон, демонстрируя весь остальной сырный омлет. – Мидгард, ясно, не в счёт. Это мир людей. Я бывал в Альвхейме, Нидавеллире, Ётунхейме...

– ...в волшебном мире Диснея, – вставил Икс.

Мэллори вздохнула. С её рыжими волосами, зелёными глазами и сахарной пудрой вокруг рта она напоминала перекрашенного наоборот Джокера.

– Сколько раз тебе объяснять, дубина ты этакая: Диснейленд – не один из Девяти.

– А чего тогда он зовётся миром? – Довольный столь неотразимым доводом, Икс кивнул и снова принялся за еду – высосал мясо из панциря какого-то ракообразного.

Ти Джей отодвинул в сторону пустую тарелку:

– Не знаю, Магнус, станет ли тебе понятнее, но Девять

миров – это не девять разных планет. Это скорее... разные измерения, разные слои реальности, соединённые Мировым Древом.

– Спасибо, – кивнул я. – Ещё больше путаницы.

– Да уж, не без этого, – рассмеялся Ти Джей.

– Мировое Древо – это то, которое в трапезной?

– Да нет, – покачала головой Мэллори. – Мировое Древо в разы больше. Скоро сам увидишь.

Это прозвучало угрожающе. Я попробовал сосредоточиться на еде. Получалось не очень, с учётом того, что рядом со мной Икс крушил зубами склизкого краба-мутанта.

Я указал на шинель Ти Джея:

– Это форма времён Гражданской войны?

– Рядовой пятьдесят четвёртого Массачусетского, друг мой. Я, как и ты, бостонский парнишка. Правда, попал сюда чуток пораньше.

Я произвёл мысленные вычисления:

– Ты погиб в сражении сто пятьдесят лет назад?

Ти Джей просиял:

– При штурме форта Вагнер, Южная Каролина. Моим отцом был Тюр, бог храбрости, закона и испытания боем. А моя мама – беглая рабыня.

Я силился вместить всё это в мою картину мира: вот передо мной тинейджер из 1860-х годов, сын беглой рабыни и скандинавского бога, и мы с этим парнем как ни в чём не бывало жуём вместе завтрак на перекрёстке девяти измерений.

Тут Икс рыгнул, тем самым более или менее вернув меня к повседневности.

– Боги Асгарда! – пожаловалась Мэллори. – Ну и вонь!

– Прощения просим, – проворчал Икс.

– А тебя правда зовут Икс? – осведомился я.

– Нет. Меня зовут... – Полутроль произнёс какое-то слово, начинающееся с «кс» и длившееся полминуты.

Хафборн вытер руки о кожаную лоскутную рубаху:

– Понял, да? Выговорить это никто не в состоянии. Поэтому мы зовём его Икс.

– Икс, – согласился Икс.

– Тоже приобретение Самиры аль Аббас, – сообщил Ти Джей. – Икс как-то набрёл на собачий бой... ну, из этих, незаконных. Где, говоришь, в Чикаго?

– В Чи-ка-ка, – подтвердил Икс.

– Он увидел, что там творится, и взбесился. И давай всё крушить, мутузить игроков и освобождать собак.

– Собакам надо за себя драться, – изрёк Икс. – Не за алчных людишек. Собак нельзя в клетках держать.

Спорить с таким амбалом мне не хотелось, но в то же время не скажу, что мысль о диких псах, дерущихся за себя, приводит в восторг. Этак и до волков недалеко. Которых мне ещё, на минуточку, провозвещать.

– Как бы то ни было, – продолжил Ти Джей. – Драка переросла в настоящую битву: Икс против шайки гангстеров с автоматами. Они его убили, но Икс уложил немало поганцев

и освободил множество собак. И когда это было... с месяц назад?

Икс покряхтел в ответ, не переставая высасывать креветку.

Ти Джей развёл руками:

– Самира сочла его достойным и принесла сюда. И ей тут крепко влетело.

– Мягко говоря, – фыркнула Мэллори. – Тролль в Вальгалле! Казалось бы, какие пустяки!

– Полутролль, – поправил Икс. – И это моя лучшая половина, Мэллори Кин.

– Икс, она это не со зла, – утешил его Ти Джей. – Просто предрассудки очень устойчивы. Когда я попал сюда в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, меня тоже не сказать, чтобы приняли с распростёртыми объятиями.

Мэллори закатила глаза:

– Ну, ты-то их сразил своим обаянием. Нет, правда, девятнадцатому этажу вечно кости перемывают. И это всё из-за вас. А теперь ещё и Магнус.

Хафборн наклонился ко мне:

– Не обращай на неё внимания. Так-то она милашка. Если забыть, какая стерва, конечно.

– Заткнись, Хафборн.

Здоровяк хмыкнул:

– Она такая злая оттого, что пыталась обезвредить бомбу в машине собственным лицом.

Уши у Мэллори запылились, как рябина:

– И что ты... я вовсе... RPPP!

– Магнус, по поводу вчерашнего ты не переживай, – продолжал Хафборн. – Лет двадцать-тридцать – и народ всё забудет. Поверь мне, я уже всякого посмотрелся. Я погиб во время вторжения викингов в Восточную Англию, пал под стягом Ивара Бескостного. Двадцать стрел я встретил грудью, защищая моего повелителя!³⁸

– О, – только и вымолвил я.

Хафборн непринуждённо пожал плечами:

– И выходит, я тут... дай посчитаю... двенадцать веков.

Я вытаращил на него глаза. Да, у Хафборна борода и гора мускулов, но всё равно на вид ему дашь максимум восемнадцать.

– А как тебе удалось столько здесь прожить и не свихнуться? И почему тебя зовут Хафборн?³⁹

Хафборн помрачнел:

---

³⁸ *Ивар Бескостный* (Ивар Рагнарссон) – живший в IX веке знаменитый викинг, который славился своей свирепостью. Вместе с братьями он возглавил победоносный поход на англосаксонские королевства Восточная Англия и Нортумбрия, якобы с целью отомстить за отца. Отец Ивара – Рагнар Лодброк (или Рагнар Кожаные Штаны) – ещё более известная фигура в викингском мире. Он прославился многими ратными подвигами: например, взятием Парижа в 845 году. Правда, попытки завоевать Англию закончились для Рагнара не очень удачно: король Нортумбрии уморил его в яме со змеями. По этому поводу его сыновья во главе с Иваром Бескостным и затеяли «великий языческий поход», в котором стяжал посмертную славу Хафборн Гундерссон.

³⁹ *Хафборн* (Halfborn) – «полурождённый».

– Сначала второй вопрос... Когда я родился, я был такой большой, сильный и безобразный, что мама сказала, будто я лишь наполовину рождён, а наполовину высечен из камня. Вот так и приклеилось.

– Ты и сейчас безобразный, – проворчала Мэллори.

– А что до того, как не свихнуться... Это не у всех получается, Магнус. Жить в ожидании Рагнарёка нелегко. Главное – всё время чем-то заниматься. Здесь предусмотрена куча всяких дел. Вот я, например, освоил больше десятка языков, включая английский. Ещё я защитил диссертацию по германской литературе и научился вязать.

Ти Джей кивнул:

– Вот для этого я и позвал тебя завтракать с нами, Магнус.

– Чтобы научить вязать?

– Чтобы занять тебя чем-то! Сидеть одному в номере очень опасно! Если не будешь выходить – начнёшь уга-сать. Некоторые из старожилов... – Ти Джей прокашлялся. – Впрочем, неважно. Отныне ты живёшь здесь. И не забывай показываться на людях каждое утро до самой Гибели Богов. Тогда всё будет хорошо.

Я смотрел из окна на кружащиеся снежинки и раздумывал о предупреждении Сэм насчёт меча, о норнах, предрёкших беду через девять дней.

– Вы сказали, что бывали в Девяти мирах. Это значит, вы можете покидать отель?

Мои соседи обменялись смущёнными взглядами.

– Да, – ответил Хафборн. – Но наша главная работа – ждать Рагнарёка. Тренировки, тренировки, тренировки.

– Трень-трень-трень каждый день, – откликнулся Икс. – Трень-брень-дребедень. Как песенка в волшебном мире Диснея.

Вероятно, это была шутка. Хотя по лицу полутролля сказать было трудно, поскольку выражений у этого лица было два: жидкий цемент и застывший цемент.

– Время от времени, – прибавил Ти Джей, – эйнрехиев отправляют в другие миры с поручениями.

– Например, отслеживать монстров, – вставила Мэллори. – Убивать великанов, которые вламываются в Мидгارد. Обуздывать ведьм и упырей. И ловить нарушителей.

– Упырей? Нарушителей? – переспросил я.

– Штука в том, – сказал Хафборн, – что мы покидаем Вальгаллу только по приказу Одина или танов.

– Но гипотетически я могу попасть на землю, то есть в Мидгارد или куда-то ещё, – уточнил я.

– Гипотетически можешь, – подтвердил Ти Джей. – Слушай, у тебя из-за этой истории с норнами, должно быть, ум за разум зашёл, но мы ведь пока не знаем, что означает пророчество. Пусть таны над ним поразмыслят и решат, как быть. А тебе не стоит кидаться куда-то очертя голову и творить всякие глупости.

– Да смиляются над нами боги, – скривилась Мэллори. – Мы-то сами глупостей никогда не творим. Ночная вылазка

за пищей в Сантарпио⁴⁰ не в счёт. Её вообще не было.

– Молчи, женщина, – прорычал Хафборн.

– Женщина?! – Мэллори потянулась к кинжалу, висящему у неё на поясе. – Базар фильтруй, хомяк ты шведский.

– Погодите, – вмешался я. – Вы знаете, как пробраться наружу?

Ти Джей громко покашлял:

– Прости, я тебя не расслышал. Разумеется, ты не спрашивал ни о чём противоправном, Магнус. Сам посуди: вот вернёшься ты сейчас в Мидгارد – и что ты скажешь тем, кто тебя знал? Все считают тебя погибшим. Обычно если мы и выбираемся назад, то лишь после того, как умрут все, кто нас помнит. Так гораздо легче. К тому же эйнхерию нужно какое-то время, чтобы силы его окрепли.

Я попытался представить, как я торчу тут и жду год за годом. Не то чтобы у меня много друзей и родни – возвращаться мне особо не к кому. Но и сидеть тут сиднем – так себе развлечение. Веками учить языки и вязать свитера. Если Самира сказала правду, моя мама не в Вальгалле... И я должен её найти, где бы она ни была.

– Но можно же уходить без разрешения, да? – допытывался я. – Не насовсем, а на время.

Ти Джей неловко поёрзал на стуле.

– У Вальгаллы есть выходы во все миры. Отель так устро-

---

⁴⁰ *Пиццерия Сантарпио* – один из самых знаменитых ресторанов Восточного Бостона.

ен. Большинство выходов охраняется, но... в Бостоне путей много, недаром он центр Мидгарда.

Я обвёл взглядом соседей. Никто не смеялся.

– Центр Мидгарда?

– Ну да, – кивнул Ти Джей. – Бостон – прямо на стволе Мирового Древа, а оно и есть кратчайший путь в любой из миров. Как, по-твоему, почему Бостон прозвали Сердцем Вселенной?⁴¹

– Выдавали желаемое за действительное?

– Нет. Смертные всегда знали, что в этом месте что-то есть, хотя и не могли определить, что именно. Викинги годами искали центр мира. Они знали, что вход в Асгард должен быть где-то на Западе. Вот почему они так стремились в Северную Америку. И когда они встретились с коренными американцами...

– Мы звали их скрелингами, – заметил Хафборн. – Отвязные воины. Мне они пришлись по душе⁴².

– Выяснилось, что у здешних жителей оказалось полно историй про загробный мир, который кажется им совсем близ-

---

⁴¹ Как вы уже поняли, *Бостон* – город с историей. Поэтому разных прозвищ у него наберётся с десяток. Сердцем Солнечной системы окрестил свой город врач, поэт и писатель Оливер Уэнделл Холмс (1809–1894) – вероятно, в насмешку над самодовольными, заикленными на себе горожанами. Но тех его сарказм ни капли не смутил, скорее наоборот: молва быстро превратила Бостон из Сердца Солнечной системы в Сердце Вселенной.

⁴² *Скрелингами* викинги называли коренных жителей Гренландии и Северной Америки – скорее всего, это были эскимосы и, возможно, представители каких-то индейских племён.

ким. И потом, когда прибыли пуритане... это видение Джона Уинтропа, сияющий «Град на холме»⁴³. Это не просто поэтический образ. Уинтроп видел самый настоящий Асгард, проступивший в других мирах. А салемские ведьмы? Это же истерия по поводу магии, что просачивается в Мидгард⁴⁴. И Эдгар Аллан По родился в Бостоне. Его самое знаменитое стихотворение «Ворон» тоже не случайность. Оно об одном из Одиновых священных воронов⁴⁵.

– Хватит. – Мэллори смерила меня недовольным взглядом. – Спроси Ти Джея, «да» или «нет» – и он будет разливаться вечность. Ответ: да, Магнус. Покидать Вальгаллу

---

⁴³ *Джон Уинтроп* (1588–1649) – губернатор Колонии Массачусетского залива. В 1630 году он возглавил очередную экспедицию пуритан в Новый Свет. В знаменитой проповеди Уинтропа «Образец христианского милосердия» говорится о «Граде на холме», который предстоит построить пуританам в Америке и который станет примером для подражания во всём мире. Было ли у Уинтропа видение о «Граде на холме» – это вопрос спорный. А вообще «Град на холме» он не придумал, а позаимствовал из Нагорной проповеди Иисуса Христа (Евангелие от Матфея). Пуритане считали себя избранными Богом, поэтому колонизация Америки представлялась им важной религиозной миссией.

⁴⁴ *Салем* – это пуританский город в Массачусетсе, получивший всемирную известность благодаря громкому судебному процессу над салемскими ведьмами (1692). Началось всё с того, что двух девочек обвинили в одержимости дьяволом, после чего жителей города охватила истерия: обвинения стали сыпаться одно за другим, и в итоге 150 человек были арестованы, а 19 из них казнены.

⁴⁵ *Лонгфелло* не единственный прославленный бостонский литератор. *Эдгар Аллан По* (1809–1849) – один из самых загадочных, мрачных и трагических поэтов Америки – родился в Бостоне. Кстати, знаменит он не только стихотворением «Ворон» – помимо стихов По писал ещё и психологические детективы. И не просто писал, а являлся создателем этого жанра.

можно как с разрешения, так и без него.

Икс хрустнул крабьей клешнёй:

– Но тогда ты не бессмертный.

– Верно, – кивнул Ти Джей. – Это вторая серьёзная проблема. В Вальгалле ты насовсем умереть не можешь – будешь постоянно воскресать. Это часть тренировки.

Я вспомнил того парня, которого у меня на глазах пронзило копьё, а потом его уволокли волки. Хундинг ещё сказал, что к ужину погибший будет как новенький.

– А за пределами Вальгаллы?

– Во всех Девяти мирах ты по-прежнему эйнхерий, – ответил Ти Джей. – Ты быстрее, сильнее и неуязвимее любого простого смертного. Но если ты умираешь вне Вальгаллы – ты умираешь. Совсем. Твоя душа отправляется в Хельхейм. Или, как вариант, ты растворяешься в предвечном ничто – бездне Гуннунгагап. Трудно сказать заранее. Но в любом случае рисковать не стоит.

– Разве что... – Хафборн выковырял часть омлета из бороды. – Разве что он и впрямь нашёл меч Фрейра и легенды гласят правду...

– У Магнуса сегодня первый день, – перебил его Ти Джей. – Давай пока в это не вдаваться. Он и так уже очумел.

– Я готов очумевать и дальше, – заверил я. – Так что там с легендами?

В коридоре пропел рог. Эйнхерии за другими столами начали подниматься и убирать тарелки.

Хафборн с энтузиазмом потёр руки:

– Разговоры подождут. Время битвы!

Ти Джей поморщился:

– Магнус, мы, наверное, должны рассказать, что бывает с новичками в первый день. Ты, главное, не пугайся, если...

– Ой, помолчи, – шикнула на него Мэллори. – А то сюрприз испортишь! – И она одарила меня сахарно-пудреной улыбкой. – Жду не дождусь поглядеть, как новичка четвертуют!

Глава 19. И не смейте звать меня Бобом Печёным. Никогда, ясно?!

Я ПОВЕДАЛ НОВЫМ ДРУЗЬЯМ, что у меня аллергия на четвертование. Они заржали и препроводили меня на поле брани. Вот почему я ненавижу заводить друзей.

Поле брани простиралось так далеко и широко, что никак не укладывалось в голове.

В старые добрые беспризорные деньки я любил летом вздремнуть на какой-нибудь крыше. И оттуда весь Бостон откровенно кривался как на ладони: от стадиона Фенуэй до Банкер-Хилла. Так вот, поле битвы в Вальгалле оказалось больше. Приблизительно три квадратных мили – куча места для вашей прикольной смерти! – и это пространство как-то помещалось в стенах отеля словно внутренний двор.

По четырём сторонам возвышались стены здания – кручи из белого мрамора, балконы с золотыми перилами. На некоторых балконах висели знамёна, какие-то были украшены щитами, а какие-то оснащены катапультами. Верхние этажи терялись где-то в мглистом сиянии небес – белые, как неоновые лампы.

В центре поля торчало несколько скалистых холмов. Пейзаж разнообразили купы деревьев. По внешнему краю нескончаемой чередой тянулись луга, их пересекала изви-

листая река, шириной примерно как Чарльз. По берегу рассыпалось несколько деревушек – очевидно, для любителей уличных боёв.

Из сотен дверей в стенах, окружающих поле брани, батальонами высыпали воины – резкий свет играл на их доспехах. У некоторых эйнхенриев доспехи были полные, как у средневековых рыцарей. Другие предпочитали кольчужные рубахи и штаны в сочетании с ботинками в стиле «милитари». А кто-то облачился в камуфляж и держал в руках автомат Калашникова. Один парень был только в плавках фирмы «Спидо». Он разрисовал всё тело синим и вооружился исключительно бейсбольной битой. Его грудь пересекала надпись «А ну давай, бро»⁴⁶.

– Я, кажется, недостаточно экипирован, – сказал я.

Икс хрустнул костяшками:

– Победу приносит не доспех. И не оружие.

Ему-то легко говорить. Он больше, чем некоторые суверенные нации.

Хафборн Гундерсон решил практиковать минималистский подход – он содрал с себя всё, оставшись в одних легинсах. Правда, при этом Хафборн щеголял с двумя здоровыми двулезвийными секирами жуткого вида. Рядом с кем-то другим он казался бы великаном. Но рядом с Иксом Хафборн выглядел как двухлетка... с бородой, мускулатурой и

---

⁴⁶ Это мем 2010-х годов, популярный благодаря музыкальному каналу MTV. В 2013 году DJ Phoenix исполнил песню с таким названием.

секирами.

Ти Джей примкнул штык к винтовке:

– Магнус, если тебе нужно больше базовой экипировки, то придётся или захватить её в бою, или выторговать. Оружейники в отеле принимают к оплате червонное золото или работают на бартерной основе.

– А ты там заполучил винтовку?

– Нет, с этим оружием в руках я погиб. Я тут почти им не пользуюсь. Эйнхериев пули, считай, что и не берут. Видел тех парней с автоматами? Это всё больше для показухи. Они самые безобидные ребята на всём поле брани. Но видишь этот штык? Костяная сталь, подарок отца. Костяная сталь работает на ура.

– Костяная сталь.

– Ага. Ничего, привыкнешь.

Моя ладонь, сжимающая меч, вспотела. Щит казался совершенно игрушечным.

– А мы против каких отрядов сражаемся?

Хафборн хлопнул меня по спине:

– Да против всех! Викинги сражаются небольшими группами, друг мой. Мы твои братья по оружию.

– А я сестра по оружию, – добавила Мэллори. – А некоторые – идиоты по оружию.

Хафборн пропустил эту реплику мимо ушей.

– Держись нас, Магнус, и... нет, с тобой всё хорошо не будет. Тебя убьют быстро. Но ты всё равно держись нас. Мы

станем биться и сразим скольких сумеем!

– Таков наш план?

Хафборн склонил голову:

– А зачем нам план?

– Нет, иногда у нас есть план, – поправил Ти Джей. – По средам у нас осада, это более сложная операция. А по четвергам – драконы.

Мэллори выхватила меч и зазубренный кинжал:

– Сегодня всеобщая драка. Обожаю вторники.

С тысячи балконов разом протрубили рога. И эйнхерии ринулись в битву.

До нынешнего утра я не понимал, что значит выражение «кровавая баня». Но сегодня мы все оказались прямо в ней.

Только мы вступили в бой, как неизвестно откуда прилетел топор и воткнулся мне в щит, пробив дерево у самого локтя.

Мэллори издала вопль и метнула кинжал, который застрял в груди бросателя топора. Тот со смехом рухнул на колени.

– Лихо! – успел сказать он, перед тем как упал и умер.

Хафборн прорубался сквозь вражеские ряды, неистово орудуя секирами, – руки, ноги и головы отлетали только так. Вскоре Хафборн напоминал игрока в пейнтбол с одной краской – красной. До чего противно – ужас. И пугающе. А хуже всего знаете что? Для эйнхериев это была вроде как игра. Они убивали с упоением. А умирали так, словно кто-то вы-

рубил их аватар в игре «Зов долга». Дурацкая игра, никогда не любил.

– Ай, вот фигня, – пробормотал один парень, изучая четыре стрелы, торчащие у него в груди.

– Завтра получишь у меня, Трикси! – выкрикнул другой и завалился на бок, пронзённый в живот копьём.

Ти Джей колот и отмахивался своим штыком направо и налево, распевая «Боевой гимн Республики»⁴⁷.

Икс прокладывал себе дорогу через полчища противников кулаками. Из его спины торчал, как иглы дикобраза, десяток стрел, но его это как будто не беспокоило. Каждый раз, когда кулаки Икса встречались, какой-нибудь эйнхерий делался двухмерным.

А что до меня, то я самым жалким образом ковылял рядом, придавленный ужасом, подняв щит и выставив меч. Мне, конечно, сказали, что здешняя смерть – это не навсегда, но верилось в это с трудом. Толпа воинов с острыми предметами жаждала меня убить. А я не хотел убиваться.

Я исхитрился отбить удар меча и отразить щитом брошенное копье. Одна девушка открылась для удара, и мне надо было бы её заколоть. Но я не смог – а зря. Потому что топор девицы вонзился мне прямо в ляжку. Боль прокатилась по телу до самой шеи.

Мэллори зарубила девуцу:

---

⁴⁷ Этот гимн был написан в годы Гражданской войны, и его повсюду распевали северяне.

– Давай, Чейз, шевелись! К боли потом привыкнешь.

– Круто, – скривился я. – Уже не терпится.

Ти Джей воткнул штык в забрало средневековому рыцарю.

– Давайте возьмём ту высоту! – Ти Джей указывал в сторону ближайшего холма на опушке леса.

– Зачем?

– Это же высота!

– Ему бы только высоты брать, – проворчала Мэллори. – Это такая тема у них в Гражданской войне.

Мы двинулись к холму сквозь гущу боя. Нога у меня всё ещё болела, но кровь остановилась. Это что, так и должно быть?

Ти Джей вскинул винтовку и возопил:

– Вперёд!

И вот тут-то его со спины и настиг дротик.

– Ти Джей! – заорал я.

Он поймал мой взгляд, выдавил слабую улыбку и впечатался лицом в грязь.

– Бальдрова мать! – выругалась Мэллори. – Пошли, новенький.

Она схватила меня за руку и поволокла дальше. Дротики так и порхали у меня над головой.

– И у вас такое каждый день? – осведомился я.

– Нет. Сказано же тебе: по четвергам – драконы.

– Но...

– Слушай, Боб Печёный⁴⁸, это всё вопрос привычки. Думаешь, это и есть трэш? погоди, вот начнётся Рагнарёк, тогда и поговорим.

– Почему это я Боб Печёный? Ти Джей тоже из Бостона. Почему он не Боб Печёный?

– Потому что Ти Джей не так достаёт, как ты.

Мы добрались до опушки. Икс и Хафборн прикрывали с тыла, притормаживая преследующие нас орды. А это правда были орды. Все разрозненные группки бросили тузить друг друга и всем скопом накинудись на нас. Кое-кто показывал на меня. А некоторые выкрикивали моё имя, причём как-то не по-доброму.

– Они тебя засекли, – вздохнула Мэллори. – Слушай, я, конечно, не прочь взглянуть, как тебя потрошат, но лучше бы издалека. Ну да что уж теперь.

Я чуть не спросил: а чего я-то им сдался? Но не стал: и так ясно. Я новенький. Естественно, эйнхерии всей оравой набросятся на меня и других новичков. Вполне возможно, Ларс Альстрём уже лежит где-то обезглавленный. Деде уже носится, размахивая обрубками рук. Эйнхерии-ветераны сделают всё, чтобы нам было побольнее и пострашнее, а сами полюбуются, как мы сдюжим. И я разозлился.

Мы взбирались по склону холма, петляя в поисках укрытия от дерева к дереву. Хафборн ринулся в одиночку на па-

---

⁴⁸ *Боб Печёный* (Beantown, буквально «Бобовый Город») – одно из прозвищ бостонцев. Уж очень они любят это блюдо.

ру десятков парней, преследовавших нас, и уложил их всех. Когда он со смехом разогнулся, в его глазах плясали искры безумия. И кровь у Хафборна шла примерно из десятка ран. А в груди у него, прямо над сердцем, торчал кинжал.

– Как он до сих пор не умер? – спросил я.

– Он берсерк. – Мэллори смотрела назад, на Хафборна, и в её взгляде мешались брезгливость, раздражение и что-то ещё... восхищение? – Этот идиот будет драться, пока его в буквальном смысле слова не порубят на куски.

Мэллори нравится Хафборн, кликнуло у меня в голове. Если вы обзываете кого-то идиотом через каждые полслова – значит, вы на него запали. При других обстоятельствах я бы над Мэллори поприкалывался. Но пока она восхищённо плялилась на Хафборна, раздалось звучное влажное «чпок!» – и оказалось, что из горла Мэллори торчит стрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.